

Так говорит Господь, Бог Израилев:
“Отпусти народ мой”. Исход. 5.1.

То что произошло с нами, евреями из Советского Союза, самое настоящее чудо .Мы- ассимилированные евреи, не знавшие своего языка., своей истории, были на грани полного исчезновения как нация в пределах нашей советской тюрьмы. Казалось что нет никакой надежды вырваться из этого пожизненного плена. И - вдруг обрели свободу и страну возродившуюся после 2000 лет!

И я надеюсь что многим будет интересно узнать на примере нашего “Исхода” как это все начиналось. Ю.Б.

2 ноября 1971 года, после последней проверки советскими пограничниками, мы в конце концов погрузились в австрийский самолет летящий в Вену. После короткого пребывания в замке Шенау под Веной мы прибыли в Израиль. Было это 5 ноября 1971 года.

По сей день освобождение из советской тюрьмы кажется мне чудом. Уехать из СССР и стать израильским гражданином- эта мысль, эта мечта преследовала меня начиная с 1948 года, года возрождения израильского государства. Помню, как до 1948 года, я постоянно задавал своему дедушке вопрос: Почему мы евреи не имеем своей страны?

Почему мы должны быть чужими среди других народов?

И дедушка объяснял мне: Мы потеряли свою страну 2000 лет тому назад, когда римляне разрушили Иерусалимский храм, завоевали наше государство и мы оказались рассеянными по всему свету. И это был мой первый урок по еврейской истории.

Дедушка Лев Гесиевич Белявский родился в местечке Гельмязово, на Украине, неподалеку от Черкасс в 1869 году. Гельмязово было одним из многих местечек расположенных близко друг от друга в черте оседлости. Дедушкин дедушка, мой прадедушка был кантонистом и служил 25 лет в царской армии.

О жизни кантонистов написана замечательная книга “Берко-кантонист”. Прочитав эту книгу можно получить представление о жизни еврейских детей забранных в царскую армию в 12-летнем возрасте и вынужденных служить в течение 25 лет.

Часто во время моей собственной службы в израильской армии, и особенно во время войны Судного дня в 1973 году, я мысленно проводил параллель между этими двумя службами; службой в чужой армии, на чужой народ, и службой в своей армии, защищающей свое собственное государство, свой народ. Великий еврейский писатель Шолом-Алейхем жил неподалеку и дружил с моим дедушкой. Родители Моше Даяна жили в соседнем местечке и приходились дальними родственниками нашей семье. Знаменитый впоследствии певец Императорских Театров Меир Медведовский тоже жил в Гельмязове.

Дедушка мой имел прекрасный голос и часто исполнял обязанности кантора в синагоге. В 1954 году, когда ему было 85 лет, я записал его голос на мой самый первый магнитофон. Дедушка глубоко знал Библию и Талмуд. Интересно, что его взгляды во многом перекликались со взглядами Макса Даймонта (Max Dimont), который в своей книге “Евреи, Бог и История” (Jews, God and History) писал: Не имеет значения выбрали ли мы, евреи, сами себя быть избранным народом, или Бог избрал нас - конечный результат тот же самый.

Материнская ветвь нашей семьи ведет происхождение из Польши. Дедушка мой Лев Пельцер, богатый купец первой гильдии, имел мануфактуры в Варшаве, Лодзи и Москве. У него было трое сыновей - Адам, Бенэк, Денэк, и две дочери - Франческа и Далила - моя мама. Во время первой мировой войны вся семья, кроме двух братьев, Бенэка и Денэка, переехала в Москву. Конечно, во время революции дедушка потерял все свои капиталы. Дальнейшая судьба всех троих моих дядей сложилась трагично. Бенэк и Дэнэк, оставшиеся в Польше, погибли в Освенциме. Адам Львович был арестован в Москве, в 1938 году, в времена сталинского террора по подозрению в шпионаже: так говорила знаменитая и одиозная статья 58, пункт 10 Советского Уголовного Кодекса.

Профессия врача спасла ему жизнь в лагере. Почти весь свой срок он работал по специальности в концлагере. Но после своего освобождения в 1946 году, он прожил только два года.

У дедушки были две страсти. Одна из них - любовь к музыке. Особенно он любил оперу. Моя мама получила свое имя - Далила при таких обстоятельствах. Дедушка с бабушкой, которая была на сносях, отправились слушать оперу "Самсон и Далила". Но до театра они не доехали. Пришлось повернуть в родильный дом. И девочке дали имя Далила.

Другой страстью моего дедушки был сионизм. Одним из его близких друзей был знаменитый скрипач и сионист Бронислав Губерман, впоследствии основатель Палестинского, а ныне Израильского Национального Симфонического оркестра.

Тетка моя Франческа Львовна вышла замуж за виолончелиста. Звали его Станислав Сигизмундович Корт, хотя на самом деле он был Соломон Самуилович. Но в Польше, стране традиционного звериного антисемитизма еврейское имя "не звучало." На входах в парки и сады Варшавы висели надписи "Собакам и евреям вход воспрещен". Богатые модные магазины евреев не обслуживали. Тут мне приходит на память интересная история.

Бабушка моя была очень элегантная модная дама, богатая, красивая с независимым характером и большим чувством юмора. Она имела обыкновение приезжать на извозчике именно в тот магазин который евреев не обслуживал. Продавцы, не подозревая о том, что она еврейка, всю старались угодить ей. Перемерив кучу нарядов и ничего не купив, бабушка садилась на извозчика и на прощание сообщала о своем еврействе изумленным приказчиком.

Так вот дядя Станислав был виолончелистом. До приезда в Москву он играл в Симфоническом оркестре Варшавской филармонии. Одним из самых ярких впечатлений в жизни моей мамы было выступление 9-летнего Яши Хейфеца с оркестром Варшавской филармонии в 1910 году.

Играл он концерт Мендельсона. Во время исполнения Яша выронил смычок, но не растерялся, схватил смычок концертмейстера и как ни в чем ни бывало продолжал выступление.

В Москве дядя играл в оркестре Большого Театра, в знаменитом Персимфансе (первый оркестр без дирижера), а кроме того, одно время возглавлял студию граммофонных пластинок. Он был первым, кто записывал еще никому не известного молодого Давида Ойстраха.

Административным главой студии звукозаписи был Наум Осипович Элинсон. В 30тые годы и в начале 40х годов у Наума Осиповича дома было что-то вроде музыкального салона в помощь молодым талантам. Детьми там бывали Мстислав Ростропович, Буся Гольдштейн, Леонид Коган, Юлик Ситковецкий и многие другие.

Родители мои не разделяли сионистских взглядов предыдущего поколения. Может быть это была подсознательная попытка (а может быть- и сознательная) - избежать проблем с советской властью. Я прекрасно помню страх моей мамы за моего отца. Люди в 30-е годы исчезали как тени.

С антисемитизмом я столкнулся очень рано. В 1943 году мы вернулись из эвакуации (где мы с мамой были в Ташкенте) в Москву. Гуляя во дворе, я познакомился с мальчиком лет семи или восьми (мне в то время было одиннадцать) .

Он рассказал мне, что до переезда в Москву жил в небольшом городке у своей бабушки на западе от Москвы. Когда город этот был оккупирован немцами, он был болен и лежал в больнице.

- Ну и что было?- спросил его я.

- Да ничего особенного. Немецкие солдаты пришли в больницу и спросили есть ли здесь евреи.

- Ну и что?

- Да ничего особенного - продолжал он- забрали всех евреев и расстреляли их. А так вообще, немцы хорошо относились к нам , - сказал он в заключение.

- Как же так...А что ты думаешь?- спросил я.
- А что? Еврей- паршивый народ. Их всех надо поубивать.
- А ты знаешь, что я еврей?
- Он посмотрел на меня с недоумением и ничего не сказал...

Сколько помню, я всегда испытывал необычайную гордость за свое еврейство. Всегда подчеркивал, при любом удобном и неудобном случае, сколько великих людей было среди евреев, какой огромный вклад в мировую культуру сделан евреями.

Однажды в школе (это было в 1946 году), я делал доклад о героизме советских людей в годы войны. В то время мне попала брошюра, в которой приводились цифры - сколько Героев Советского Союза было среди разных национальностей. В процентном отношении евреи оказались на первом месте. Помню как гордо я преподнес этот факт классу. В то время я учился в Музыкальном училище при Московской консерватории.

В последующие годы мое национальное чувство становилось все сильнее и глубже. Враждебная политика СССР по отношению к Израилю в пятидесятые годы только углубляла мою ненависть к Стране Советов. Ложь, клевета, антисемитизм были непереносимы. Самым страшным временем было начало 1953 года. С ужасом мы читали в "Правде" сообщение ТАСС об аресте "врачей - вредителей". Было это 13 января 1953 года. (Новый год по старому стилю!).

За исключением двоих, проф. Виноградова, (который был между прочим личным врачом Сталина и которого я знал, поскольку он в 1944 году лечил мою маму) и проф. Егорова, остальные врачи были евреи.

Последующие полтора месяца были зловещи - газеты и журналы разрывались на части, превосходя друг друга в антисемитизме. По сей день помню стишок в "Известиях" посвященный Лидии Тимашук, которая якобы раскрыла заговор.

Позор вам общества обломки
За ваши черные дела,
А славной русской патриотке
На веки вечная хвала

Фельетон Василия Ардаматского :” Пиня из Жмеринки” изображал евреев жуликами, проходимцами, ворами и мерзавцами. В воздухе носилась угроза погромов.

Дьявольский план Сталина был таков: открытый судебный процесс над арестованными врачами, запланированный на середину марта, должен был закончиться обвинительным приговором. Естественно, что вина врачей планирующих отравление всего Советского правительства была доказана,- врачи сами должны были признаться в своих преступлениях.

Публичная казнь и “справедливый гнев русского народа” должен был вызвать волну погромов. В этот момент великий и мудрый вождь всего прогрессивного человечества, любимый отец и учитель, Иосиф Виссарионович Сталин, в целях спасения еврейского народа от справедливого гнева советских людей, движимый “гуманными побуждениями”, должен был принять гениальное решение.

- Все евреи должны были быть немедленно эвакуированы в Сибирь .По слухам, Сталину доложили, что количество пассажирских поездов недостаточно для такого мероприятия.

-Будем везти в товарных в теплушках - якобы сказал великий вождь.
-Но мы их живыми не довезем, они же будут, как сельди в бочках - последовало разъяснение работников КГБ

_ А кто сказал что они должны доехать живыми? - риторически спросил великий вождь и “главный специалист по национальному вопросу”

Но 5 марта 1953 года Сталин умер, а 5 апреля 1953 года мы читали сообщение того же ТАСС о том что врачи невиновны, освобождены, а виновные привлечены к уголовной ответственности. Началась оттепель... Но традиционный антисемитизм также традиционно продолжал свой путь. В 1967 году перед началом Шестидневной войны мы неотрывно слушали по Голосу Амарики отчеты о заседаниях Совета Безопасности. Злопыхательство советского представителя не знало никаких границ. Ни логики, ни смысла. Только ложь и еще раз ложь. Напряжение росло не только на Ближнем Востоке но и у нас дома. Мы были на грани

безрассудства: бежать всей семьей в Израильское посольство и просить политическое убежище. Наша семья в то время состояла из 4х человек. Моя жена Эля, двое детей- Саша, Нина и я. Но пока мы решали как лучше осуществить наш план, Шестидневная война началась и дипломатические отношения с Израилем были прерваны. С этого момента какие-либо сомнения исчезли. Жить в СССР нам - евреям невыносимо.

И вот подошел 1970 год. Движение за право выезда евреев в Израиль начало расти. Хотя это еще не было массовым движением, лед, как говаривал Остап Бендер, тронулся.

В августе 1970 года, группа из 39 евреев обратилась с письмом в ЦК КПСС с требованием разрешить им выезд в Израиль. И вот сюрприз - некоторые получают разрешение, а не лагерный срок! С середины 1970 года я лихорадочно пытаюсь найти связи с сионистским движением с тем чтобы организовать вызов из Израиля для нашей семьи.

Друг моего детства Толя Дукор знал несколько человек из группы отказников. Толя - прекрасный пианист, ученик Эмиля Гилельса, замечательно импровизирующий джаз, хорошо играющий на аккордеоне. Обладающий помимо всего атлетическим сложением, он играл в футбол. Аккордеон и футбол спасли ему жизнь. Арестовали его в 1949 году, когда ему было 19 лет. За что он был арестован в то время конечно никто не знал. Однако в Гнесинском Институте, где мы оба учились, дирекция, как потом выяснилось, знала что он был арестован, как "враг народа"...

Я отлично помню, как в 1953 году, на лекции по марксизму-ленинизму, лектор М.Р. Дунаева (она же была секретарем партийной организации Гнесинского Института), потрясала кулаками, клеймя врачей - вредителей, вопя, что мы просмотрели в наших рядах предателей и врагов нашего русского народа! Мы обязаны проявлять бдительность - билась она в истерике. И так продолжалось каждый день, вплоть до смерти Сталина.

В 1954 году Толю освободили и лишь тогда я узнал, что случилось на самом деле. Его обвинили в сионизме, поскольку он увлекался изучением еврейского алфавита. Кроме того, его обвинили, ни много ни мало, в попытке организовать заговор с целью свержения советской власти.

Получил он 10 лет. Какое-то время он провел в одиночке на Лубянке, а затем - в Сибири на рудниках. Выжить ему помогла его физическая сила, умение играть на аккордеоне и импровизировать джаз.

После Толиного ареста и вплоть до смерти Сталина, я жил в постоянном страхе. Ежедневно я ожидал самого страшного. Каждый шорох на улице по ночам, каждый автомобильный гудок, я воспринимал, как машину КГБ, приближающуюся к нашему дому с тем, чтобы арестовать меня.. Ночами я лихорадочно перебирал в памяти все, что я кому-нибудь говорил днем..

У меня и сейчас еще пробегает мороз по коже, когда я вспоминаю то время.

И вот, в 1970 году я начал просить Толю связать меня с активистами сионистского движения. В ответ он первым делом повел меня на Лубянку и, показывая на здание КГБ сказал: -“ Имей в виду, у тебя есть равные шансы, либо уехать в Израиль, либо попасть сюда. Помни, у тебя прекрасная работа (я играл в Большом Симфоническом оркестре Всесоюзного радио и телевидения), семья, взвесь все это”. Кстати, тут он мне и рассказал, что провел в одиночке на Лубянке целый год.

-“Вот видишь верхний этаж без окон? Так это стена, окружающая прогулочную площадку на крыше. Меня сюда выводили на прогулки целый год. И делалось это вперемежку с битьем на ночных допросах”.

В один из тех дней Толя зашел за мной. -“ Поехали к Давиду Драбкину”. Давид был в подаче уже много месяцев, активно боролся за право выезда, действуя открыто, что было тоже неслыханно. Инженер, он конечно же сразу потерял работу, как только заявил о своем желании уехать в Израиль. Для меня знакомство с ним было вхождением в новый мир. Хоть я и рвался уехать из СССР всю свою сознательную жизнь, но никогда не встречался с людьми, предпринявшими реальные шаги к выезду. Я видел в нем героя, и по правде говоря, завидывал ему.

Прошло несколько дней. И вот рано утром (была середина декабря 1970 года), Толя Дукор вваливается в нашу квартиру (мы жили в одном дворе и наши дети учились в одном классе 17ой английской школы). - “Потрясающая новость! Драб получил разрешение!!!”

Этп сообщение было подобно разорвавшейся бомбе. -“Сегодня же, я должен дать ему наши данные для вызова!”- вскричал я. Помню, как в тот же вечер, сидя дома у Драбкиных, я, в диком возбуждении (впрочем, Драбкины были в не меньшем), диктовал ему наши данные.

Тут я хочу напомнить о полузабытом факте.

В 1970 году Председатель Совета Министров СССР Косыгин, отвечая на вопросы иностранных корреспондентов, заявил:

-“Советское правительство не будет чинить препятствий евреям, желающих воссоединиться со своими родственниками, живущими в Израиле, и на этом основании будет давать разрешение на выезд из СССР в Израиль”.

Таким образом нужно было создать видимость, что наши близкие родственники посылают нам вызов из Израиля.

В это время в Ленинграде закончился процесс по так называемому “самолетному делу”. Группа ленинградских евреев была обвинена в попытке захватить самолет и угнать его в Израиль. Ни один человек из этой группы даже близко к самолету не подходил, но как известно, советская система всегда судила не за действия, а за образ мыслей.

К нашему ужасу, двое из группы были приговорены к расстрелу. Когда в Верховном Суде СССР в кассационном порядке рассматривалось это дело, группа евреев, и я в том числе, пыталась пройти в зал. Среди нас был и академик Сахаров. В зал никого из нас не пустили. Там находились только официальные представители общественности. Помню, как один из них, выйдя на улицу после заседания суда, громогласно заявил, что по его мнению “их всех надо перестрелять!” Под давлением мирового общественного мнения расстрел был заменен 13 годами заключения. Процесс этот дал результат обратный тому, который планировался советскими властями. Запугать евреев не удалось, а решение покинуть “самую лучшую, самую демократическую державу” стало еще более определенным. Сомнений не было. Жить нам в СССР невозможно! Надо все ставить на карту с тем, чтобы уехать в Израиль.

После целого ряда перипетий Драбкины, наконец, отбыли в Израиль. С этого момента у нас началась жизнь полная ожиданий, тревог и надежд. Повседневное ожидание вызова...

Но прошло три, четыре недели, а вызова нет. За это время мы близко познакомились с активистами сионистского движения: Володей Слепаком, Володей Престиным, Пашей Абрамовичем, Виктором Польским, Иосифом Бегуном и многими другими. В это время у нас уже была довольно четкая связь с Израилем. Шура Балабанов, один из активистов, уже несколько месяцев жил в Израиле и оттуда активно помогал нам.

В начале марта 1971 года, я звоню ему в Израиль и открытым текстом прошу его выяснить, что случилось с нашим вызовом.

-“Как мне известно, - ответил он, - все выслано несколько недель тому назад”. Стало ясно, что КГБ перехватило вызов. Балабанов пообещал немедленно организовать высылку нового. Тем не менее вызов не поступил и на этот раз. Через некоторое время Балабанов сообщил, что “Сохнут” выслал уже три вызова.- “ Шлите на адрес Голландского посольства, это единственный шанс получить вызов” -кричал ему я.

В один из этих дней мне звонит Володя Престин. -“ Заходи, у меня есть кое-что для тебя”-Я тотчас же направился к нему. У него я познакомился с Витей Яхотом. Ему как и мне было направлено несколько вызовов, которые он не получил. Виктор и я быстро подружились и начали действовать совместно. Первым делом мы отправились на международную почту и потребовали приема у начальника. Он был совершенно шокирован услышав наши претензии. -“Чего бы обращаетесь ко мне, спрашивайте в своем Израиле -заявил он делая ударение на “и” -мы знать не знаем, что лежит в конверте!” -“Вы нарушаете Женевскую конвенцию о тайне переписки, которую СССР подписал, мы будем жаловаться в Международный почтовый союз”.- “Ну и жалуйтесь себе на здоровье” - это все, чего мы смогли добиться.

Тем временем жалоб на неполучение вызовов становилось все больше и больше. Тогда мы вдвоем пишем жалобу в Международный Почтовый Союз в Женеве и письмо в Организацию Объединенных Наций. Письмо это подписало по меньшей мере 450-500 человек из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и Риги.

Помню, как ко мне пришла Ида Нудель. У нее также была проблема с вызовом. Впоследствии она стала одним из наиболее известных отказников. Ее арестовали и выслали из Москвы в конце 70ых годов. Разрешение на выезд она получила уже при Горбачеве и то лишь благодаря тому, что за нее хлопотал Хамер, который и вывез ее в Израиль на своем самолете.

Как мы отправляли письма за рубеж? Опускали письма в почтовые ящики не сомневаясь в том, что они немедленно попадают в КГБ. В то же время, отправляли письма на Запад с иностранными корреспондентами и, как говорится “открытым текстом”, по телефону в Израиль.

Во второй половине апреля 1971 года мы получаем теллеграмму из Израиля.

“-Вызов номер такой-то выслан 14 апреля 1971 г. С нетерпением ждем встречи. Моше Зутлер. Рамат Хашарон, ул. Геулим 6, Израиль.

На следующий день Эля и я отправились в ОВИР.

-“Мы принимаем документы только в полном комплекте. У вас нет вызова из Израиля и характеристики с места работы - заявила нам сотрудница ОВИР’а.

На это мы ответили :- “ Вызов, и не один, находится в КГБ и вы это прекрасно знаете”.

- “ Мы ничего не знаем. Обратитесь на почту. Когда соберете все документы, тогда и будем разговаривать”. На этом разговор закончился.

Тем временем началось оформление Большого Симфонического оркестра радио, где я работал, на гастрольную поездку в Западную Германию. Поездка эта планировалась на октябрь-ноябрь 1971 года. На первом этапе - проверка характеристик на каждого члена оркестра с предыдущих гастролей.

Ведал этим секретарь партийной организации Муся Ратнер. Мы с ним всегда были в дружеских отношениях и я был с ним довольно откровенен. Каждого члена оркестра Муся в алфавитном порядке вызывал на беседу. Происходило это во время репетиций. Сидел Муся в небольшом закутке, частично отделенном от коридора перегородкой.

Поскольку моя фамилия начинается с буквы “Б”, я был вызван одним из первых.

-Сейчас посмотрим, что там у тебя. Нет ли каких-либо изменений: адрес, телефон - бормотал Муся, пытаясь найти среди кучи папок мою.

-Что-то я не вижу твою характеристику. Подожди, я сбегаю посмотрю в отделе музыкальных коллективов.

-Одну минуточку, Муся - говорю я - не торопись.

-А что такое?-

-Дело в том, что скоро мне понадобится другая характеристика.

-Ты что собираешься играть конкурс в Госоркестр или в Большой Театр?

-Нет мне нужна будет характеристика для выезда в Израиль!.

Я не зная как описать Мусину реакцию.

Прежде всего он потерял дар слова, затем побледнел и в ужасе упал на стул. Затем он стал оглядываться. Через какое-то время он шепотом произнес.

-Кто-нибудь об этом уже знает?

-Только моя семья, а теперь и ты. Хотя я уверен, что КГБ знает, поскольку вызов (и не один), который мы так ждем, перехвачен КГБ. Без вызова же мы не можем подать документы на выезд и конечно, если до поездки оркестра, мы все еще не получим визу ОВИРа на выезд в Израиль, меня несомненно в Германию не пустят, и поскольку мы друзья, я говорю тебе об этом.

-А что я могу сделать? - спросил Муся.

-Напиши мне плохую характеристику и таким образом ты обезопасишь себя.

-А что плохого я могу написать?

-Я не посещал политзанятий целый год и делал это довольно демонстративно.

-Я не могу это написать. Мне голову снимут. Скажут, где я был все это время. Почему не сигнализировал?

После долгого раздумья Муся спросил:

-А когда ты будешь подавать документы?

Тут я ему еще раз объяснил ситуацию. Теперь ты понимаешь, что КГБ все знает.

-Хорошо,. сказал Муся- давай сделаем так. Я сейчас отложу твою папку. Пока я всех проверю, а это 120 человек, пройдет недели четыре. Может к тому времени у тебя что-то проясниться.

На том и порешили. На следующий день, когда я пришел на репетицию, Муся встретил меня шепотом.

-Мы с женой не спали всю ночь, говорили о тебе. Но ты все-таки подумай, ведь там капитализм.

Каждый последующий день Муся встречал меня вопрошающим взглядом:- Ну когда уже?

В начале июня, Эрик Вейсбейн, который был очень активным общественным деятелем оркестра, организовал медицинский осмотр для всех членов оркестра. Для получения разрешения на гастрольную поездку за границу КГБ требовало справку о здоровье. Обычно, надо было обойти в поликлинике примерно восемь врачей разных специальностей. Эрик же договорился, что за небольшую сумму денег, пара врачей придет в ДЗЗ (Дом Звукозаписи) и весь оркестр пройдет так называемый медицинский осмотр за один вечер. Что мне было делать? Я решил, что просто не пойду. На следующее утро, меня забросали вопросами со всех сторон; почему я не пришел и знаю-ли я, что мне теперь придется потратить уйму времени в своей поликлинике.

-Ребята - говорил я - я так плохо себя чувствовал вчера, что все равно не получил бы медицинское разрешение.

В эти же дни, отдел кадров Радио собрал общее собрание оркестра в связи с гастрольями.

Проходило собрание в рабочее время, так что не было никакой возможности избежать его. В студии 2 Дома Звукозаписи собрался весь оркестр. В президиуме сидели начальник отдела музыкальных коллективов Радио Грищенко, парторг оркестра Муся Ратнер, начальник отдела кадров Лихачев и пара номенклатурных работников Радио.

Лихачев называл каждого по фамилии и проверял наличие бумаг в личном деле. Дошла очередь и до меня. Лихачев посмотрел на меня, потом в мое личное дело, потом опять на меня.

-Товарищ Белявский, что же это Вы лицо свое поменяли?

Дело в том, что за последние недели я начал отращивать бороду.

- На карточке бороды у вас нет! Не признают вас пограничники, не пустят за рубеж. Придется сбрить бороду.

Но на этом пока все обошлось.

В середине июня, Витя Яхот и я написали письмо в “Литературную Газету” и в газету “Известия”. В письме ставился вопрос о праве на свободный выезд евреев из Советского Союза в Израиль без специальных виз, характеристик и прочих трюков, имеющих только одну цель: воспрепятствовать выезду из Советского Союза. “Мы- еврей, Израиль-наша страна, и это наше право решать, где нам жить”-писали мы.

Затем мы обрушились на систему выкупа. Как известно, каждый, получающий выездную визу, должен был заплатить 900 рублей выкупа. И тут мы провели параллель. Нацистская Германия взимала налог на каждого отъезжающего еврея (пока выезд еще был возможен до 1939 года) в сумме 1000 долларов. В 1971 году по официальному курсу Государственного Банка СССР 1 доллар был равен 90 копейкам, то- есть 900 рублей были равны 1000 долларам.

И мы написали: -“ Советская власть, подобно Гитлеровской Германии, взимает ту же самую сумму выкупа за каждого еврея!”

Несомненно, это был очень рискованный шаг с нашей стороны. Нас могли обвинить в клевете на Страну Советов и посадить лет на пять-десять.

Письмо это было отправлено обычным путем, который я уже описывал: почтовый ящик, т.е. в КГБ, и через иностранных корреспондентов и по телефону на Запад. Начали ждать,- что будет? Прошла неделя другая, но ничего не произошло.

Стояла середина июля. Вскоре оркестр должен был выйти в летний отпуск.

Последние два дня сезона, мы по утрам работали в Останкине на телевидении. Вторая половина дня была выделена для персонального собеседования с каждым членом оркестра в Райкоме Партии. Естественно, главный вопрос был связан с так называемой политической подготовкой. Главный удар - положение на Ближнем Востоке. И интерпретация должна была абсолютно совпадать с официальной линией партии:

Израиль - фашистская страна, Моше Даян - убийца невинных арабских детей, Израиль - марионетка американского империализма и все в таком духе.

Продолжая свою линию, я попросту не пошел в райком.

- “Ты с ума сошел!” - на следующий день, последний перед отпуском, говорили мне коллеги. Я же встал в вызывающую позу.

- “Я не школьник, хватит мне отвечать по шпаргалкам. Ну так, я не поеду в ФРГ!”

Фима Золотурский - альтист оркестра, кстати впоследствии уехавший жить в ФРГ, отвел меня в сторону и прошептал: “ Ты уже получил разрешение?” На следующий день начался отпуск и события начали разворачиваться с большой скоростью.

В начале августа, в связи с днем разрушения Иерусалимского храма -“Тиш - Аба”-, большая группа евреев послала открытое письмо в Израиль. Мы требовали права на свободный выезд. Моя подпись была одной из первых. И вот 9 августа 1971 года по “Голосу Израиля” зачитывается это письмо с подписями. Было это подобно разорвавшейся бомбе!

С этого момента мое имя было открыто связано с борьбой за выезд. Кончилась игра в прятки. По совету Бориса Когана, адвоката по образованию, мы решили подавать документы в ОВИР совершенно необычным способом, но используя советские законы. Выездная анкета, телеграмма о вызове и квитанция из сберегательной кассы об уплате налога за отказ от Советского гражданства - это все было упаковано в большой конверт и, заказной почтой с уведомлением о вручении, отправлено в Верховный Совет СССР.

За два дня до окончания отпуска, я пришел в отдел музыкальных коллективов Радио и подал заявление с просьбой выдать мне характеристику в ОВИР на предмет выезда в государство Израиль на постоянное место жительства.

-“Вы скоро уже уезжаете?”-спросила меня секретарша. Она явно уже знала о моих намерениях и не была удивлена моему заявлению.

Через два дня кончился отпуск. В теплый, летний, солнечный день, дожидаясь времени начала репетиции, оркестранты стояли на улице Качалова перед зданием Дома Звукозаписи. Уже с угла Садового Кольца, подходя к ДЗЗ, я видел, как мои коллеги оживленно что-то обсуждают. При моем приближении все замолкли. Я прошел окруженный мертвым молчанием. Никто со мной не здоровался, хотя некоторые и сделали мне многозначительный знак глазами.

После репетиции, в течение которой со мной никто, за исключением моего

большого друга Наума Зайделя, не обмолвился словом, я вышел на улицу. И тут Ньюма Зайдель затеял со мной длинную беседу. Говорили по меньшей мере минут 40, стоя прямо перед зданием ДЗЗ.

Хочется сказать несколько слов о Ньюме.

Наум Зайдель - блестящий флейтист, много концертирующий, лауреат многих международных конкурсов, сделавший ряд граммафонных записей с Давидом Ойстрахом, пользовался большой известностью в музыкальных кругах. Мы знали друг друга со школы и всегда были дружны. В гастрольных поездках оркестра мы часто разделяли номера в гостиницах и всегда были очень откровенны друг с другом. Вспоминаю, как гуляя по Гайд-Парку в Лондоне в 1966 году, в последний день гастролей, Ньюма хохмил: - "Ну, ребята, дышите в последний раз свободным воздухом. Вечером мы уже будем в нашей родной Советской тюрьме!"..

В 1968 году, когда Сева Лежнев - виолончелист из Госоркестра остался в США, Ньюма с полной серьезностью сказал, придя на работу:

- "Слушал я вчера "Голос Америки" и никак не мог разобрать фамилию: кто то сбежал в Америку, то-ли Брежнев, то-ли Лежнев!!!"-

Он часто мне говорил: - "Я живу во внутренней эмиграции. Дома я закрываюсь, включаю Голоса (Голос Америки Голос Израиля ВВС), и не желаю иметь ничего общего с Советской властью"-.

Теперь, потрясенный моим решением, Ньюма подробно расспрашивал меня на виду у всего Радиокомитета. К чему все это привело, я расскажу в другой раз.

На следующий день я поинтересовался, когда же я получу характеристику.

- "Не волнуйтесь- уверял меня директор оркестра Тощий- получите получите!"-. Начальство явно не знало как себя вести.

На следующий день меня пригласили в Управление кадров Государственного Комитета Радио и Телевидения СССР на Пятницкой улице. В кабинете начальника управления находилось трое: заместитель председателя Радиокомитета по кадрам, начальник управления кадров Радио, и начальник отдела кадров Музыкальных коллективов Лихачев..

- "Ну что же это, Вы товарищ Белявский делаете, неразумный ведь это шаг. Израиль- капиталистическое государство враждебное нам. Ваша же Родина тут. Здесь Вы родились, получили образование. Опомнитесь, возьмите обратно свое заявление и все будет в порядке!"-

В какой-то момент, один из кадровиков сделал такое заявление - "Если бы это была Болгария или Чехословакия,- все же страны народной

демократии, а не Израиль!”-

-“Но я ведь не болгарин, и не чех, а еврей” - аргумент, вероятно, даже в их глазах неоспоримый. Тон разговора вначале относительно миролюбивый, в конце концов стал весьма напряженным. Я продолжал настаивать на характеристике.

-“Если так, подайте заявление об увольнении по собственному желанию, тогда мы вам и дадим характеристику”- тон кадровиков стал жестким.

-“Только, когда мы получим разрешение на выезд, я подам на увольнение” - заявил я.

И тут они мне напомнили кое-что, о чем я хочу рассказать. За несколько месяцев до этих событий, был объявлен внутренний конкурс в оркестре. Каждый, желающий принять участие, должен был заполнить анкету- всего несколько пунктов: фамилия, имя отчество, год рождения место, рождения и самое главное - национальность! Я написал - ЕВРЕЙ - большими буквами через всю страницу анкеты. Так вот это они мне и вспомнили.

-“Мы знаем вашу хулиганскую выходку с анкетой! Вы думаете, что вам все позволено?”-

-“Что же - ответил я - вы спрашиваете так, как будто вам это неизвестно. Ну, я и решил ответить вам, как можно яснее!”-

-Мы можем сделать так, что весь оркестр встанет и потребует вашего увольнения - речь перешла в крик, а что касается характеристики, то мы вам ее не дадим, и все тут! Точка!”

“Что касается увольнения, вы, конечно, можете сделать все, что угодно, но характеристику, в конце концов, дадите. Вам придется сделать то, что диктуют ваши же советские законы.”-

На этом наша приятная беседа закончилась.

На следующий день меня вызвали на совещание в отдел музыкальных коллективов Радио. Также был приглашен главный дирижер оркестра Геннадий Рождественский, который заявил буквально следующее:

“-Я, как руководитель оркестра, не могу допустить, чтобы в моем коллективе работали 119 граждан Советского Союза и один гражданин Израиля!”-

В тот же вечер раздался телефонный звонок из ОВИРа. Звонила глава еврейского отдела ОВИРа Акулова.

“ Немедленно заберите ваши документы, которые Вы нелегально отправили через Верховный Совет. А если не заберете, то вообще никогда не получите разрешения на выезд. Кроме того, я советую Вам, прекратить Вашу

сионистскую активность: письма, демонстрации, контакты с иностранными журналистами и тому подобное!-“

Интересно, что дамы в те времена в ОВИРе имели занятные фамилии: Акулова, Израилева (она не была еврейкой), Конькова -Деревлева!

Что я мог ответить Акуловой в этот момент?

-“Документы я не заберу, - вы их отказались принять нормальным путем, вызов находится у вас, поинтересуйтесь у своего начальства в КГБ. Письма, которые мы пишем имеют только одну цель - добиться признания нашего права на свободный выезд в Израиль. И кстати, письма мы вам не посылаем! Каким образом вы знаете о них?

И в заключении я добавил: -

-“Согласно советским законам, вы должны дать ответ в письменном виде, на наше заявление о предоставлении визы на выезд, в течение двух недель.

- “Я доложу коллегии” - железно-акульим голосом сказала Акулова.

Следующий день оказался последним днем моей работы в Советском Союзе. За один час до окончания репетиции оркестра, ко мне подошел инспектор оркестра Володя Колтунович и молча, отвернувшись от меня, протянул мне записку. В записке было приглашение явиться на заседание профсоюзного комитета Радио и Телевидения СССР в 16: 30. Я посмотрел на часы, - было 16: 00. Мне надо было добраться до Пятницкой.

- “Вы можете идти немедленно” - произнес Колтунович тихим голосом.

Через пару минут, на пути к выходу, я встретил Мишу Мунтяна, моего хорошего товарища еще со школьной скамьи (мы вместе с ним занимались в одном классе камерного ансамбля у профессора Марии Вениаминовны Юдиной), прекрасного пианиста, с которым мы много играли вместе (сейчас он постоянный партнер знаменитого альтиста Юрия Башмета).

- “Держись крепко! не уступай им! счастливо! желаю удачи!” -

напутствовал он меня.

Черз полчаса я был на Пятницкой. Начальник управления кадрами ждал меня в своем кабинете на 3-ем этаже. Перед ним на столе лежала папка с моим личным делом.

- “По какому поводу я вызван на заседание профсоюза?” - поинтересовался я.

- “По поводу Вашего поведения”-

С этими словами, он открыл папку, и я увидел напечатанный, но пока еще не подписанный приказ Председателя Комитета Радио о моем увольнении за аморальное поведение! Согласно закону, увольнение трудящегося

должно быть одобрено профсоюзом!!!

-“Причем тут аморальное поведение?” - раздраженно спросил я.

-“Понимаете-ли Вы, что это Комитет Радио и Телевидения СССР, - организация ответственная за высокий моральный уровень советского человека. Ваш поступок, Ваше желание покинуть Советскую Родину несовместимы с вашим пребыванием в нашем коллективе.

-“Я не юрист и не знаю законов. Вы обязаны были сообщить мне об этом заранее. Я не собираюсь принимать участие в этом фарсе!”

Я вышел из кабинета, хлопнув дверью. По дороге домой я зашел в районную поликлинику. Принимал дежурный врач.

-“Я очень плохо себя чувствую”, - пожаловался я врачу.

И естественно, я был в ужасном возбуждении; сердцебиение, повышенное кровяное давление.

-“Вы должны полежать и отдохнуть. Я вам выпишу бюллетень”-

Конечно, этот любезный доктор не мог даже отдаленно представить себе причину...

На следующее утро я сообщил на работу о моей болезни.

Следующий этап борьбы был направлен на получение характеристики. По совету Бориса Когана я, с напечатанным заявлением, отправился жаловаться на действия Радио, отказывающегося выдать мне характеристику, к первому секретарю Замоскворецкого райкома партии (по месту нахождения Радиокomiteта). Сам факт требования характеристики с места работы для выезда в Израиль ироничен и абсурден. Только подумать кому нужна характеристика? Израилю? Или Советский Союз проявляет заботу, чтобы в Израиль ехали только лучшие или только худшие люди?

Во многих случаях на работе говорили: -“ Принесите запрос из ОВИРа, тогда и дадим характеристику”-.

А в ОВИРе говорили: “ Мы запросы не пишем, принесите с работы запрос на запрос”-

А по месту работы говорили:” Мы не можем писать запрос на запрос”- и так далее?!

Кстати текст характеристики предполагался такой Выдана характеристика такому-то в том что такой-то работает там-то.

Характеристика выдана на предмет выезда такого-то на постоянное жительство в Израиль.

Рано утром я появился в приемной первого секретаря райкома. Там была

только его секретарша.

-“Вы по какому делу?”- спросила она.

-“По личному”- ответил я.

-“В таком случае подождите, САМ скоро должен быть”.

Минут через пятнадцать появился первый секретарь райкома.

-“Вы ко мне?”- быстрым шагом пройдя к себе в кабинет, бросил мне секретарь райкома.

Войдя вслед за ним в огромный кабинет, я в ответ на его -“Что у Вас там?”- молча протянул ему мое заявление. В процессе чтения лицо его начало меняться. Он явно был в недоумении. Что делать? Нигде в уставе Партии указаний на подобную ситуацию не было. Желание уехать из самой свободной, самой демократической, самой лучшей страны, и куда?- в фашистский, сионистский Израиль. Никак это не совмещалось с привычными представлениями о нормальном поведении советского человека.

-“Я выясню, позвоните мне завтра”- был ответ его.

На завтра секретарша передала ответ:

-“Ваша жалоба к нам никакого отношения не имеет, тем более, что Вы не член Партии. Это дело Комитета Радио и Телевидения”.

Прошло десять дней и мой бюллетень закончился. Я звоню инспектору оркестра Колтуновичу -“Завтра я могу приступить к работе”-.

-“Вы уволены 10 дней тому назад”- произнес Колтунович и положил трубку.

На следующий день голос Израиля передал:” Артист Большого симфонического оркестра Всесоюзного Радио и Телевидения Юрий Белявский уволен с работы за желание со всей семьей выехать в Израиль на постоянное жительство.”

Будучи безработным и не имея представления, когда мы получим визу на выезд, я был вынужден искать какую-нибудь работу. На это были две причины; одна - это закон о тунеядстве, по которому неработающие граждане подлежали высылке из Москвы. Вторая- весьма прозаическая - надо было кушать! Многие наши знакомые, потерявшие работу и источник дохода, уже работали дворниками, истопниками или кем-нибудь в этом роде. Щекотливость положения заключалась в том, что когда еврей приходил устраиваться на работу в отдел кадров, ему, естественно, надо было ответить на вопрос, какова была его прежняя служба. А прежняя служба была, например, - старший научный сотрудник научно-

исследовательского института, кандидат или доктор наук, пытающийся получить работу дворника или истопника.

-“У Вас слишком высокая квалификация, мы не можем Вас взять на работу” - сплошь да рядом следовал ответ.

Пока что, мы поехали на Преображенский рынок сдавать в комиссионный магазин какие-то вещи.

Сейчас я хочу отклониться немного в сторону. Живя за железным занавесом мы, естественно, не имели достаточной информации о том, что происходит за пределами СССР, и как результат этого с нами, «советскими людьми», часто происходили довольно курьезные истории. Одну из таких историй сейчас расскажет моя жена Эля. Передаю ей слово.

«В то время, когда мы уезжали в Израиль, не было достаточной информации, мы больше питались слухами. Слухи часто были абсурдные, но мы им верили, находя каждый раз разумное объяснение. Например, прошел слух, что в Израиль надо везти эти простые карандаши, причем не круглые, а ребристые. Никто не сомневался, что это правильно: конечно Израиль насаждает деревья, каждое дерево на вес золота- не переводить же деревья на карандаши! (но почему только ребристые?!)- об этом никто не спрашивал.

Или разнеслась весть: брать с собой ученические тетради, но не в клеточку, а в косую линейку, причем не частую, а широкую косую линейку. Кто-то сказал, что в большом спросе в Израиле льняные простыни- конечно, ведь очень приятно спать на прохладных льняных простынях! Или кто-то услышал, что надо везти зубной порошок...Люди у которых были деньги, а вывозить валюту из Советского Союза нельзя, (не надо и говорить, что Советские рубли валютой не были!) голословно верили всем этим слухам и были счастливы возможности вложить деньги хоть во что-то, с тем , чтобы реализовать их на Западе. Конечно все это оказалось курьезом: и тетради и карандаши потом валялись за ненадобностью, тяжелые льняные простыни лежали и желтели- в то время уже появилось легкое и красивое постельное белье, которое не надо было даже гладить! А зубной порошок в коробках, который закупали тоннами и отправляли багажем вместе с мебелью и другими вещами толстым слоем обсыпал все это (наверное не без помощи таможенников, которые нарочно надрывали коробки!).

Мы, к счастью, не принимали участие в этом марафоне: лишних денег у нас не было, не хватало даже на выезд- впоследствии мой отец одолжил нам недостающую сумму. Но один слух все же коснулся нас лично: стало достоверно известно, что нужна справка из школы о том, что Нина закончила 2ой класс (Саша уже учился в музыкальном училище и ему справка не была нужна). Справка должна была быть заверена печатью и подписана лично директором школы.

Не предвидя никаких осложнений, я откладывала посещение школы со дня на день- успею еще! Мы получили разрешение на выезд (!) и должны были освободить советских граждан от нашего присутствия до ноябрьских праздников. И тут я вдруг спохватилась: шла последняя неделя перед праздниками, потом следовали выходные и, о, ужас! – у меня

почти не оставалось времени.

Я побежала в школу уже во второй половине дня. Хорошо, что я застала Нинину классную руководительницу Лидию Ивановну, она же была и секретарем партийной организации школы. На мою робкую просьбу о справке она сухо ответила: -«Пожалуйста!»- и протянула мне стандартный бланк с ее подписью. Я, было, попыталась объяснить, что нужна подпись директора и печать, но она быстро охладила меня: «Мы таких справок не даем, достаточно подпись классного руководителя- все. Если хотите, идите к директору». Вопрос был исчерпан. За окном угасал серенький ноябрьский денек. Ученики уже разошлись, школа выглядела пустой... Я бежала по гулким пустым коридором школы и с ужасом думала, что делать? Что, если директор уже ушла? (Был последний день перед праздниками!) Ведь если я не получу такую справку, Нину не примут ни в одно учебное заведение и она на веки вечные останется безграмотной, недоучкой!!

Дверь в кабинете директора, к счастью, оказалась открытой. В передней комнате за столом сидела секретарша и мирно стучала на машинке. Она повторила мне слово в слово объяснение классной руководительницы. Душа моя замерла, что делать?! Я слышала в кабинете директора подозрительные звуки. Вот-вот она уйдет...И вдруг меня осенило, наверно такие озарения случаются в самые опасные моменты жизни, когда, например, человек кидается в огонь, чтобы спасти ребенка... «Вы знаете- обратилась я к секретарше спокойным голосом- это не моя прихоть, это указание самого начальника ОВИРА, товарища Гозина Ивана Ивановича. Разрешите я ему сейчас позвоню и он вам сам все объяснит?»

«Хорошо»- вдруг согласилась секретарша. Я беру телефон и набираю наш домашний номер (я знала, что Юра дома). Долго телефон не отвечал, наконец «Алло, кто это?» «Иван Иванович, добрый день! Это говорит Элеонора Изославна Белявская. Я...» «Какой Иван Иванович? Вы ошиблись, неправильный номер!!!»-в раздражении перебивает меня «трубка». «Иван Иванович!»- с нажимом продолжаю я –«Иван Иванович, я звоню сейчас из школы. Объясните пожалуйста секретарю директора, какая нужна справка для моей дочери» и спокойно передаю трубку секретарше. Секретарша, до того сидевшая, вскочила со стула почти опустив руки по швам: «Да, Здравствуйте, Да- да, конечно, понимаю, Да, все будет сделано, Спасибо, до свидания...

В это время дверь из комнаты директора открылась и на пороге появилась она сама, директриса- статная баба, одетая в зимнее пальто, в пыжиковой шапке и в ботах. В обеих руках она держала авоськи с отоваренными праздничными продуктами: «сайра», соленые огурчики, «Юбилейное» печенье, зеленый горошек- все это выдавалась к празднику в специальных закрытых отделах.

«Ну что тут?»- недовольно сказала директорша. В это время секретарша подскочила к ней и что-то стала нашептывать ей в ухо. «Конечно, пожалуйста»- секретарша подобострастно поднесла ей справку. Директорша шлепнула печать и поставила свою, такую драгоценную подпись. Видно, «Иван Иванович» отлично справился со своей задачей!

Окрыленная, я побежала домой, зажав в зубах такую «бесценную» справку!

Надо-ли говорить, что она никогда, нигде, и никому не понадобилась...»

В течение всего этого периода мы сблизились со многими активистами сионистского движения: Володей Слепаком, Володей Престиним, Пашей Абрамовичем, Лилей Коренфельд, Идой Нудель, популярным певцом Михаилом Александровичем, женой великого еврейского писателя Переца Маркиша Эстер Маркиш, знаменитым кинорежиссером Мишей Каликом (впоследствии наш сосед по квартире в Иерусалиме).

И опять таки, по совету Бори Когана, мы перешли к следующему этапу борьбы.

-“Твое увольнение за аморальное поведение незаконно, так как эта статья может быть применена только по отношению к преподавателям высших учебных заведений” - объяснил мне Боря - “жалоба должна быть подана в Генеральную Прокуратуру СССР”.

И вот с подготовленным заявлением я отправляюсь в Генеральную Прокуратуру на Пушкинской улице. В огромной комнате, на первом этаже Прокуратуры, стоял сплошной ряд стульев вдоль всех четырех стен. В одном из углов комнаты находилась конторка. Все стулья были заняты “ходоками” - просителями, а за конторкой, на возвышении, сидел чиновник. По очереди, просители приближались к конторке, двигаясь по стульям. Чиновник тут же на месте решал что кому делать и писал резолюцию.

В тех случаях, когда он сам не мог решить, что делать, граждане направлялись на второй этаж. Я скромно сел на стул в конце очереди и, как все, начал пересаживаться с одного стула на другой. Когда дошла моя очередь, я с “израильской проблемой” немедленно был отправлен на второй этаж. На втором этаже картина повторилась, но уже с меньшим составом действующих лиц. Селекция продолжалась, и на третий этаж уже было послано совсем немного граждан. Я, естественно, был среди них. На третьем этаже только я один был выделен для дальнейшего исследования.

-“Поднимитесь на четвертый этаж, комната 428”.

На двери комнаты 428 висела табличка: “Помощник Генерального Прокурора СССР.”

-“Ого - подумал я - видимо мое дело весьма важно для Советской власти”.

-“Посидите одну минутку”- вежливо обратилась ко мне секретарша.

Вскоре появился человек среднего роста в прокурорской форме.

-“Я помощник Генерального Прокурора СССР, чем могу Вам помочь?”

Я изложил ему мое дело. Дальнейшая беседа изумила меня.

-“К сожалению, я не смогу помочь Вам с увольнением, хотя увольнять Вас

за аморальное поведение было незаконно, но мы не можем спорить с Лапиным. (Лапин - Председатель Комитета Радио и Телевидения). Уже был случай в вашем оркестре с Марком Шмуклером, которого уволили по той же статье (его случай не имел никакого отношения к Израилю). И вот, протест на его увольнение, который мы послали Лапину, сегодня вернулся. Лапин попросту отказался принять его. Сами понимаете, спорить с Лапиным мы не можем (хорошее признание законности в СССР, -Лапин и Брежнев дружки и собутыльники,- подумал я), что-же касается бюллетеня - продолжал прокурор - с этим мы Вам поможем. Деньги, причитающиеся Вам за время Вашей болезни, будут возвращены. Пожалуйста, принесите мне завтра Ваш бюллетень и я все устрою. -Чем еще я могу Вам помочь?" -"Получением визы" - ответил я.

-"Ну это не наша вотчина, этим ведает КГБ. Желаю Вам успеха".

Назавтра, отправляясь в прокуратуру, я взял с собой сына Сашу. У меня все же были сомнения и опасения. -" Если я не вернусь через час- полтора, беги к Слепаку, он знает, что в таких случаях надо делать.

В таких случаях весь расчет был на шум во всем мире. Лига защиты евреев в США своими действиями оказывала огромную поддержку советским евреям в борьбе за выезд.

Следующие дни были заняты демонстрациями перед зданием ЦК партии на Новой площади, напротив Политехнического музея. Мы требовали личной встречи с кем-либо из секретарей ЦК, желательно с самим Брежневым. Перед парадным подъездом стояло нас человек сто двадцать. А рядом стояло несколько автобусов КГБ, на случай, если будет отдан приказ о нашем аресте.

В конце октября 1971 года в Москве собрался Международный музыкальный Конгресс. Как сионисты, так и диссиденты-демократы, решили воспользоваться этим в своих целях. Надо сказать, что с цели у нас были были принципиально разные. Если диссиденты, добивались демократических реформ в СССР, то мы- сионисты, требовали права на свободный выезд в Израиль. Я помню бурный спор по этому поводу на квартире у Иссы Яковлевны Черняк с Юрой Штейном. Интересная деталь: сестра жены Юры Штейна была первой женой А. Солженицына, а Исса вскоре вышла замуж за Дмитрия Михайловича Панина, который разделял с Солженицыным тюремную камеру и явился прототипом Сологодина из

Первого круга. После отъезда из СССР, Исса с Паниным жили в Париже. Но вернемся в Москву.

Нам удалось организовать встречу с Иегуди Менухиным, который в то время был Президентом Конгресса. Состоялась она перед зданием гостиницы “Националь”. Я уверен, что сам факт этой встречи помог нам: Иегуди Менухин в эти дни произнес речь на Конгрессе в защиту прав человека. Он говорил о праве на свободное передвижение, на право каждого решать в какой стране ему жить. Речь вызвала огромное недовольство властей.

Тем временем я продолжал добиваться характеристики. Вспоминаю, как кто-то из работников Радио мне сказал:

-“Ну, вы едете, так черт с вами, но детей хоть оставьте нам, они же ни в чем не виноваты??!”

Один чиновник из Райкома Профсоюза изложил свою точку зрения так:

-“Вот видишь- он показал мне две ладони, как бы трущиеся между собой - это Америка, а это СССР, а ваш Израиль между. Понял, перетрут вас и все! Вот так!!!”

И вот телефонный звонок. Звонил один из друзей. -“Пришел вам вызов на адрес Голландского посольства.”

На следующий день мы отправились в ОВИР.

-“Мы принесли недостающие документы”.-

Через несколько минут появилась Акулова.-“Я доложу коллегии”- пробормотала она. -“А что с характеристикой?”- спросил я. -“Сами разберемся !”- был ответ.

24 октября 1971 года наиболее активных сионистов пригласили в ОВИР.

Среди приглашенных, кроме меня были: Слепак, Польский, Престин. В кабинет вызывали каждого в отдельности. Дошла очередь и до меня.

-“Заходите, заходите, Юрий Лазаревич”- любезно приветствовал меня солидный мужчина средних лет. В комнате, кроме него, находилось пять или шесть молодых людей, свободно расположившихся кое где: на столе, на подоконнике, просто стоявших. Все, кроме главного, хранили молчание. Никаких бумаг нигде не было видно.

-“Мы - комиссия КГБ, работаем здесь, проверяем работу ОВИР’а. Я- генерал КГБ, а это мои помощники”. Фамилии своей он не назвал.

-“Как Вы поживаете, Юрий Лазаревич?”

-“Как я поживаю?! Меня незаконно уволили с работы во время болезни, вызов вы задерживаете, характеристику получить я не могу, визу на выезд

нам не дают, и вы спрашиваете как я поживаю?"-

-“Ай, ай, ай, какое безобразие! Успокойтесь! Мы для того и здесь, чтобы исправить ошибки. Поздравляем Вас - наша комиссия решила выдать Вам разрешение на выезд. А по бюллетеню вам заплатят”- добавил генерал КГБ. И продолжал:

-“Но мы хотим попросить Вас кое о чем. Прекратите вашу активность, знаете - письма, иностранные корреспонденты, демонстрации...И все это в то время, когда товарищи. Брежнев и Косыгин находятся за рубежом..во Франции и Канаде. Нехорошо это знаете!”-

-“А когда мы получим визу?”- поинтересовался я.

-“Ну это зависит от того, как работники ОВИР’а провернутся- бюрократия знает”.

-“Ну хорошо, мебель мы уже можем продавать?”-

-“С этим вы пока погодите!”

-“В таком случае, я не могу вам обещать, что прекращу свою деятельность.Когда мы получим визу, тогда, естественно, у меня не будет времени ни на что другое, кроме как отъездных дел.”

В этот момент генерал неожиданно изменившимся голосом полным угрозой прорычал:

-“А своему дружку Слепаку, так и передайте, что мы с ним посчитаемся!”- и он хлопнул кулаком по столу.

Слепаки получили разрешение на выезд только в конце 80-х годов, после многолетней ссылки за сионистскую деятельность. Было это уже во времена перестройки.

Не прошло и дня, как мы были вызваны в ОВИР

-“Вам десять дней хватит на сборы?”- спросила Конькова-Деревлева, которая всегда в момент потепления заменяла Акулову, якобы находившуюся в отпуске.

-“Не в наших интересах задерживаться”, - ответили мы.

- “Так или иначе, если будут проблемы- вот наш номер телефона, мы поможем вам побыстрее уехать”.

Расчет был явный: избавиться от нас до 7 ноября - праздника революции. Наши визы кончались 4 ноября 1971 года.

Продать мебель, да и вообще все; нужны были деньги на выплату виз, покупку авиа билетов, отправку багажа и т. д.

Но главное - надо было получить разрешение на вывоз моей скрипки.

Закон говорил, что для получения разрешения на вывоз, все музыкальные

инструменты должны пройти экспертизу специальной комиссии музея Глинки.

Я отдал свою скрипку, которую мы купили в 1964 году в музей. Через два дня пришел ответ. Вот он - этот экземпляр советско-русского языка:

“Музей музыкальной культуры имени Глинки категорически возражает против вывоза скрипки французского мастера Д. Николя, так как данный инструмент - прекрасный инструмент и может быть использован любым советским исполнителем”.

Датирован этот документ за No.648 был 27-м октября 1971 года.

29 октября я отправился в Голландское посольство для оформления въездной визы в Израиль. (как известно, дипломатических отношений между Израилем и СССР в то время не было). При мне был небольшой чемоданчик, в котором под постельным бельем, лежала скрипка без струн, без подбородника, без колков - только корпус, завернутый в тряпки.

Милиционер, стоявший на посту перед входом в посольство, не придал чемоданчику особого значения. (уже через неделю после нашего отъезда, в здание посольства не разрешали вносить даже маленькие сумки!

Итак я зашел в посольство со своим чемоданчиком и встал (на самом деле сел) в очередь. Рядом со мной сидел Леня Либерзон (брат известного шахматного гроссмейстера), которого я знал много лет, поскольку мы оба были филафонисты и менялись редкими пластинками. Я меня до сих пор есть уникальный альбом 1913 года;-первая в истории запись симфонического оркестра, - пятая симфония Бетховена в исполнении Берлинского оркестра под управлением А.Никиша. Эту запись я выменял у Лени лет за 10 до того. Подошла моя очередь. Я взял чемоданчик, и тут Леня говорит мне: «Чего тебе тащить его. Оставь тут со мной» Разве он мог подозревать, что было в чемодане? Короче говоря, я поднялся по лестнице на второй этаж.

-“Могу я видеть господина Хейнемана?”, - спросил я, подойдя к окошечку канцелярии. Ко мне навстречу вышел первый советник посольства господин Хейнеман. Он очень симпатизировал еврейскому движению за выезд. Он уже знал обо мне и о моем скрипичном деле от Володи Слепака. Когда мы оказались вдвоем в его кабинете, я протянул ему, заранее приготовленную записку

-“SOS” - я- профессионал-скрипач. Советские власти не разрешают вывести мне мой рабочий инструмент. Можете-ли Вы мне помочь?”

В ответ, Хейнеман пишет по-русски: - “Ваш инструмент очень ценный?-"

-“Для меня- да, поскольку - это мой рабочий инструмент. Он пишет: “ Без

всяких гарантий я постараюсь помочь”. С этим он вышел из комнаты, но вскоре возвратился вместе с молодым человеком атлетического сложения. Мы пожали друг другу руки, а Хейнеман написал: “-Сегодня этот человек едет в Хельсинки и может попытаться передать вашу скрипку в Израильское Посольство в Финландии”. В этот момент в кабинет, без стука, вошла официантка, принеся поднос с чаем. Надо сказать, что весь обслуживающий персонал посольства состоял из советских людей, и все они, конечно, были работниками КГБ.

Хейнеман подождал пока она вышла, запер дверь и вновь написал мне: “Где Ваша скрипка?”. Я открыл чемоданчик и отдал ему, завернутую в тряпки скрипку, которая выглядела как кукла. Он открыл сейф, положил туда скрипку и запер его.

В понедельник, 1 ноября 1971 года, рано утром, раздался телефонный звонок:

-“Господин Белявский? Это говорит Хейнеман. Ваш инструмент находится в Израильском посольстве в Хельсинки”.

Через неделю, уже в Израиле, я позвонил главе русского отдела Министерства Иностранных Дел Израиля Якка Янаи и рассказал ему обо всем этом.

-“Что-то мне не верится. Вы знаете хотя бы имя этого голландца, взявшего вашу скрипку?”

Конечно, я не знал! Но через два дня, Якка Янаи сам позвонил в центр абсорбции в Иерусалиме, где мы жили:

-“Вы были правы, как это ни невероятно! Ваша скрипка действительно в Хельсинки, в нашем посольстве”.

Через пару месяцев я получил мою скрипку, целую и невредимую.

Но вернемся на пару дней назад. В пятницу 29 октября я отправился покупать авиационные билеты в кассу Аэрофлота на Фрунзенской набережной.

Подойдя к кассе я обратился к кассирше:

«Пожалуйста, четыре места на 2 ноября в Вену.»

«Вы знаете, что по вторникам (2 ноября был вторник) в Вену летать только самолеты Австрийской компании».

Конечно, я это прекрасно знал!

«В этом случае,-продолжала кассирша –платите валютой».

«Во- первых,- говорю я,- между Аэрофлотом и Австрийской компанией есть соглашение; Аэрофлот продает билеты в Вене, а Австрийцы в Москве на местную валюту. И чем не хороша советская валюта? Аа?»

«Я не могу вам продать билеты на советские рубли! Идите к начальнику касс Аэрофлота. Все!»

К счастью, кабинет начальника был тут же и сам начальник был в нем.

«В чем дело?»,- спросил он.

Я объяснил ему, что наша виза кончается 4 ноября и поэтому мы должны лететь не позднее 4 ноября.

«Летите 3, на нашем самолете с посадкой в Киеве».

«Ни в коем случае», сказал я ему.

Были известны случаи, когда наших людей снимали с самолета в Киеве, и что тогда?!

«Хотите, мы продлим вам визу на пару дней и вы полетите на нашем самолете прямым рейсом в Вену 5 ноября?!»

«Об этом не может быть и речи, у меня деловое свидание в Вене 2 ноября».

В этот момент кассирша, которая все время стояла в дверях, вмешалась в разговор:

«Василий Иванович, ОНИ тут целый день ходят и требуют! Их вагонами надо отправлять туда подальше!,- заявила она с большим воодушевлением.

«Я решить сам этот вопрос не могу, приходите в понедельник»,- принес начальник касс.

И тут он тихо спросил: «Послушайте, скажите правду, почему вы так настаиваете на Австрийской компании?»

«Видите-ли, у нас собака, которая должна лететь в багажном отделении; так багажное отделение у них, в их самолетах отапливается, а в Аэрофлотовских нет».

Так или иначе, делать было нечего, приходилось ждать понедельника.

Когда я вернулся в кассы 1 ноября, в понедельник, та же самая кассирша вежливо спросила:

«Может быть вы все же купите на наш рейс?» но не получив согласия, продала 4 билета на 2 ноября на самолет Австрийской компании.

В день отъезда мы прибыли в Шереметьево рано утром. Огромная толпа провожала нас. Проверка багажа, проверка шерсти нашего пса Лира: нет –ли чего-нибудь спрятанного у него под шерстью, проверка скрипичного футляра; может быть скрипка там?! Но нет, скрипки там не было!

И наконец, мы добрались до последней проверки. Это был выход из Страны Советов! Последняя «станция» перед границей, которая всегда была на замке! Молодой пограничник, с комсомольским значком, сидел в будке и проверял выездные документы. Я протянул ему наши две визы: одна Элина с Сашей, другая- моя с Ниной. Пограничник принялся изучать документы,

сравнивая фотографии в визах с нашими лицами.

В этот момент, с противоположной стороны, к будке с нашим пограничником подошел офицер КГБ и положил перед ним какую-то записку. Ужас объял меня! Неужели катастрофа?! Неужели в самый последний момент нас задержат?! Я знал о подобных случаях. Несколько секунд показались мне вечностью! И вдруг я услышал:

-“Проходите” - и увидел, протянутые через окошечко, две наши визы.

Граница на замке приоткрылась со звуком “жик”! Это пограничник нажал на рычаг и турникет, отделяющий нас от свободы, открылся!

-“Бежим!” - почти крикнул я, и мы ринулись к самолету!

Через два часа мы были в Вене, а через три дня, 5 ноября 1971 года, в Израиле!!!

Published in 1995-96 in the Russian Newspaper “The Observation Post”
Chicago & Milwaukee Edition

Copyright by Yuri Beliaevsky